

18+

Олег Морозов

Анатомия пустоты

Сценарий

Олег Морозов

Анатомия пустоты. Сценарий

<https://litres.ru/74274769>

ISBN 9785007060578

Аннотация

Идеальный брюссельский бюрократ, забывший вкус жизни, случайно встречает русского дальнобойщика, цитирующего Достоевского, — и эта встреча запускает цепь событий, которые заставят его заново научиться читать документы, говорить с женой и искать Бога по-русски, с хлебом, печником-философом и пиццерией в Пскове.

Жанр: трагикомедия, экзистенциальная сатира.

Содержание

АНАТОМИЯ ПУСТОТЫ Сценарий мини-сериала (4 серии)	6
СЕРИЯ 1. «Человеко-индуцированный»	8
СЦЕНА 1. ИНТ. КАБИНЕТ МАРКУСА, БРЮССЕЛЬ — ДЕНЬ	8
СЦЕНА 2. ИНТ. ПЕРЕГОВОРНАЯ 8-С — ДЕНЬ	11
СЦЕНА 3. ИНТ. КОРИДОР БЕРЛЕМОНА — ДЕНЬ	13
СЦЕНА 4. ИНТ. РЕСТОРАН LA BONNE HUMEUR — ДЕНЬ	14
СЦЕНА 5. ИНТ. КАБИНЕТ МАРКУСА — ВЕЧЕР	15
СЦЕНА 6. ИНТ. КУХНЯ ДОМА МАРКУСА — НОЧЬ	16
СЦЕНА 7. ИНТ. ПОЕЗД БРЮССЕЛЬ-АНТВЕРПЕН — ДЕНЬ	17
СЦЕНА 8. ЭКСТ. ПИЦЦЕРИЯ «PIZZA LUSA», АНТВЕРПЕН — ДЕНЬ	18
СЦЕНА 9. ИНТ. ПИЦЦЕРИЯ — ПОЗЖЕ	20
СЦЕНА 10. ЭКСТ. НАБЕРЕЖНАЯ АНТВЕРПЕНА, КАФЕ — ДЕНЬ	21
СЦЕНА 11. ИНТ. ПЕРЕГОВОРНАЯ	23

БЕРЛЕМОНА — ПОНЕДЕЛЬНИК	
СЦЕНА 12. ИНТ. КАБИНЕТ	24
ВАНДЕНБРУКА — ДЕНЬ	
СЦЕНА 13. ИНТ. КАБИНЕТ МАРКУСА —	26
ВЕЧЕР	
СЕРИЯ 2. «Хлеб и душа»	28
СЦЕНА 1. ИНТ. КОФЕЙНЯ «У ФЛАЖО»,	28
БРЮССЕЛЬ — ДЕНЬ	
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатомия пустоты Сценарий

Олег Морозов

© Олег Морозов, 2026

ISBN 978-5-0070-6057-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНАТОМИЯ ПУСТОТЫ

Сценарий мини-сериала (4 серии)

Жанр: трагикомедия / драма

Тон: сухой европейский юмор, абсурдизм, теплота в русских сценах.

Персонажи с комедийными чертами:

- Маркус ван Хёйс (52) — чиновник с лицом человека, который забыл, зачем живёт. Идеальный прямой взгляд в пустоту.

- Костос (45) — грек, помешанный на температуре минеральной воды. Всюду носит с собой термометр.

- Эмили (40) — юрист с лицом сфинкса. Выращивает орхидеи и разговаривает с ними, но только когда никто не видит.

- Ванденбрук (60) — начальник, чьи серые костюмы имеют собственные имена. Говорит эвфемизмами.

- Андреас (28) — восторженный литовец, краснеет при слове «идеалы».

- Лукас (24) — сын, пиццайоло-философ. Относится к тесту как к живому существу.

- Сергеев (50) — русский дальнобойщик с лицом человека, который знает твою душу лучше тебя самого. Обожает подкалывать европейцев.

- Отец Михаил (70) — священник с сухим юмором и привычкой изъясняться притчами.

СЕРИЯ 1. «Человеко- индуцированный»

СЦЕНА 1. ИНТ. КАБИНЕТ МАРКУСА, БРЮССЕЛЬ — ДЕНЬ

Дождь барабанит по стеклу. Маркус (52, костюм безупречен, лицо — нейтрально, как экран в режиме ожидания) смотрит в окно.

ГОЛОС ИЗ КОММУНИКАТОРА (V.O.)

Маркус, совещание через пять минут.

МАРКУС

(не оборачиваясь)

Иду.

Он продолжает стоять. Крупный план: его лицо. Ничего не происходит.

ЗА КАДРОМ — его внутренний голос, спокойный, с лёгкой иронией.

МАРКУС (V.O.)

Я стою у окна. В Брюсселе дождь. Это не новость. Новость в том, что я заметил дождь. Раньше я замечал только документы, требующие подписи. Документы, в свою очередь, не замечали ничего. Это была идеальная экосистема.

Маркус выходит в коридор. Проходит мимо КОСТОСА (45), который держит бутылку минеральной воды и сосредоточенно смотрит на термометр, опущенный в горлышко.

КОСТОС

(бормочет)

Восемнадцать... восемнадцать и три десятых. Она греется от моей руки. Это катастрофа.

МАРКУС (V.O.)

Это Костас. Он считает, что вода температурой ровно восемнадцать градусов открывает истину. Остальные температуры — ересь. Мы работаем вместе четырнадцать лет.

Костос замечает Маркуса.

КОСТОС

Маркус! Ты не знаешь, в какой переговорной сегодня обсуждение гендерно-инклюзивной терминологии? Я хочу поставить воду заранее. Там кондиционеры — они всё портят.

МАРКУС

(без улыбки)

В 8-С. Но боюсь, там будет сквозняк. Это усложнит температурный режим.

КОСТОС

(испуганно)

Сквозняк? Тогда я возьму термос. И грелку. (пауза) У меня есть грелка. Маленькая, для бутылок.

Костас торопливо уходит. Маркус смотрит вслед.

МАРКУС (V.O.)

Костас — не проблема. Костас — симптом.

СЦЕНА 2. ИНТ.

ПЕРЕГОВОРНАЯ 8-С — ДЕНЬ

Все рассказываются. Маркус председательствует. Представительница DG JUST, АННЕТ (35, говорит с экологическим восторгом), открывает презентацию. На слайде: «Замена „man-made“ на „human-induced“».

АННЕТ

(с абсолютной серьёзностью)

Коллеги, слова формируют реальность. Термин «man-made» исключает женщин, небинарных персон и, потенциально, разумные формы жизни, с которыми мы можем столкнуться в будущем.

В кадре — лица участников: каменные, понимающие. Маркус смотрит на её губы.

МАРКУС (V.O.)

Аннет говорит. Я смотрю на её губы. Они движутся. Из них выходят слова, которые мы все будем обсуждать сорок минут. Сорок минут на одно слово. На прошлой неделе мы обсуждали запятую в директиве о рыболовных квотах. Запятая победила с перевесом в два голоса. Это было напряжённо.

АННЕТ продолжает. Костос тихо ставит на стол термос, откручивает крышку, капает воду на запястье — проверяет температуру. Маркус замечает это. Его внутренний голос —

с лёгкой усмешкой.

МАРКУС (V.O.)

Костас измеряет воду. Это его способ сохранять контроль.

У каждого из нас свой способ.

Маркус вспоминает мать. Её лицо. Мы слышим обрывок фразы: «...ты так и не понял...». Маркус моргает.

АННЕТ

Итак, консенсус?

Все кивают. Маркус ставит электронную подпись.

МАРКУС

Принято. Поздравляю, коллеги. Мы сделали мир более инклюзивным. Одно слово за сорок минут. (пауза) Темп нарастает.

Никто не смеётся. Кроме ЭМИЛИ (юрист, сидит с краю), она едва заметно дёргает уголком губ. Маркус замечает это.

СЦЕНА 3. ИНТ. КОРИДОР БЕРЛЕМОНА — ДЕНЬ

Маркус получает сообщение от сына: «Пап, приезжай. Открытие. Будет весело. И я хочу, чтобы ты попробовал мою пиццу».

Маркус смотрит на экран. Пальцы зажимают.

МАРКУС (V.O.)

Сын зовёт на открытие пиццерии. Он бросил консалтинг. Говорит, хочет делать «что-то настоящее». Я подписываю директивы о неразъёмных крышечках. Мы с ним в одной семье, но в разных вселенных.

Он печатает: «Хорошо». Стирает. Печатает: «Посмотрю расписание». Стирает. Убирает телефон.

СЦЕНА 4. ИНТ. РЕСТОРАН LA BONNE HUMEUR — ДЕНЬ

Ланч с лоббистом ДИРКОМ (50, улыбка, как у акулы, питающейся грантами). Дирк заказывает сансер.

ДИРК

Маркус, как супруга? Как сын?

МАРКУС

Хорошо. (V.O.) Я не знаю, как супруга. Мы не разговаривали три дня. Не ссорились — просто молчали. Это наш формат общения. Он называется «устойчивое молчание».

ДИРК

(после паузы, как бы между прочим)

Кстати, о зелёном водороде... Там формулировка в третьем пункте... жёсткая. Если бы смягчить на пару слов... это очень помогло бы отрасли.

Маркус кивает. Медленно, почти ритуально.

ДИРК (V.O.)

(голос Дирка с эффектом эха)

Кивок... Кивок... Это подпись...

Дирк понимающе улыбается. Маркус делает глоток воды.

МАРКУС (V.O.)

В Брюсселе кивок — это форма контракта. Мы не даём обещаний. Мы киваем. И этого достаточно.

СЦЕНА 5. ИНТ. КАБИНЕТ МАРКУСА — ВЕЧЕР

Маркус открывает файл с директивой о субсидиях фермерам Бургундии. Читает первый параграф. Зевает. Мысли уходят.

МАРКУС (V.O.)

«Принимая во внимание... принимая во внимание...» — пишут они. Я не принимаю во внимание ничего. Я думаю о зубном. И о том, что Костос опоздает с отчётом, и мне придётся его прикрывать.

Он нажимает «Approved». Пауза. Смотрит на экран.

МАРКУС (V.O.)

Завтра это станет законом. Фермеры, которых я никогда не видел, получают деньги. Или не получают. Я не вникал. Я — идеальный продукт системы.

Внезапно он закрывает ноутбук. Встаёт. Подходит к шкафу, достаёт книгу Жана Монне. Листает.

МАРКУС (V.O.)

(цитирует с иронией)

«Мы объединяем людей, а не создаём коалиции государств». Отлично, Жан. Мы объединили людей, которые не разговаривают с жёнами и подписывают не глядя.

Книга захлопывается.

СЦЕНА 6. ИНТ. КУХНЯ ДОМА МАРКУСА — НОЧЬ

Маркус сидит с телефоном. Анна в гостиной смотрит сериал в наушниках. Они в разных кадрах, разделённые стеной. Маркус набирает сыну.

МАРКУС

(в трубку)

Лукас? Я приеду. В субботу.

ЛУКАС (по телефону, радостно)

Супер! Я покажу тебе печь. И тесто. Ты знаешь, какая мука лучше для римской пиццы?

МАРКУС

Не знаю. Но я знаю, какой должна быть температура минеральной воды на совещании.

ЛУКАС (смеётся)

Чего?

МАРКУС

Долго объяснять. До субботы.

Он кладёт трубку. Смотрит на фотоальбом, который достал ранее. Фото: молодые Маркус, Анна и маленький Лукас. Маркус улыбается.

МАРКУС (V.O.)

Я перестал читать документы. Но фотоальбом прочитал. Там был я — другой. Тот, кто ещё не знал слова «консенсус».

СЦЕНА 7. ИНТ. ПОЕЗД БРЮССЕЛЬ-АНТВЕРПЕН — ДЕНЬ

Маркус у окна. Напротив — девочка лет пяти раскрашивает альбом, высунув язык. Маркус смотрит на неё. Девочка поднимает глаза.

ДЕВОЧКА

(по-французски)

У вас грустное лицо.

МАРКУС

(растерянно)

Нет, я... задумался.

ДЕВОЧКА

Мой папа говорит: когда взрослые задумываются, они либо врут, либо считают налоги. Вы врете или считаете?

Маркус не знает, что ответить. Мать девочки шикает на неё. Маркус тихо смеётся — впервые за долгое время.

СЦЕНА 8. ЭКСТ. ПИЦЦЕРИЯ «PIZZA LUSA», АНТВЕРПЕН — ДЕНЬ

Лукас, перепачканный мукой, обнимает отца.

ЛУКАС

Пап! Ты приехал! Заходи. Я покажу тебе печь.

ИНТ. ПИЦЦЕРИЯ. Лукас гладит печь, как коня.

ЛУКАС

Печь — это сердце. Мы разогреваем её до четырёхсот восьмидесяти. Тесто выпекается за девяносто секунд. Никаких ананасов.

МАРКУС

Ананасы — это зло?

ЛУКАС

Ананасы — это личный выбор, но в моём заведении это будет считаться перформансом. За отдельную плату.

Маркус смеётся. Лукас протягивает ему фартук.

ЛУКАС

Давай. Сам сделаешь пиццу.

МАРКУС

Я не умею. У меня дипломы.

ЛУКАС

Дипломы не месят тесто. Вставай к столу.

Монтаж: Маркус пытается месить тесто. Мука летит. Тесто прилипает к рукам. Лукас комментирует.

ЛУКАС

Не дави. Тесто чувствует страх. Оно сейчас в панике. Ты его травмируешь.

МАРКУС

Тесто не имеет нервной системы!

ЛУКАС

Это ты так думаешь. А оно думает: «Зачем этот человек меня мучает?»

Маркус чихает, облако муки взлетает. Лукас хохочет. Маркус, весь в муке, смотрит на свои руки — и вдруг улыбается широко, по-детски.

СЦЕНА 9. ИНТ. ПИЦЦЕРИЯ — ПОЗЖЕ

Они едят кривую, подгоревшую пиццу, сделанную Маркусом.

МАРКУС

(жуёт)

Это... вкусно.

ЛУКАС

Ещё бы. Ты это сделал. Это твоё.

МАРКУС

Я сорок лет подписывал документы. Я никогда не видел результата. А тут — ты сделал, ты съел. Это странно.

ЛУКАС

Это называется работа. Настоящая работа.

Пауза. Маркус задумывается.

СЦЕНА 10. ЭКСТ. НАБЕРЕЖНАЯ АНТВЕРПЕНА, КАФЕ — ДЕНЬ

Маркус пьёт кофе. За соседним столиком двое русских говорят о Достоевском. Один из них — СЕРГЕЕВ (50, обветренное лицо, глаза смеются) — замечает взгляд Маркуса.

СЕРГЕЕВ

(по-английски с акцентом)

Извините, мы громкие. Русские — всегда громкие. У нас душа широкая, поэтому голос громкий. Компенсация.

МАРКУС

Ничего. Я просто задумался.

СЕРГЕЕВ

О чём? Если о смысле жизни — могу одолжить Достоевского. У него было пять вариантов, все депрессивные, но один весёлый. Почти.

МАРКУС

(улыбается)

Вы читали Достоевского?

СЕРГЕЕВ

Читал? Я им жил. В девяностые без него было никак. Он говорил: «У европейцев нет души. Есть закон, порядок, комфорт, а души нет». Не слишком ли сурово?

МАРКУС

(пауза)

Я... не знаю. Я никогда не думал о душе. У меня график.

СЕРГЕЕВ

(смеётся)

График — это не оправдание. У моего деда был график: лагерь, ссылка, снова лагерь. А он молился. И говорил: «Если Бога нет, всё позволено». А если всё позволено — зачем график? Парадокс.

Маркус смотрит на него. Что-то внутри сдвигается.

МАРКУС

Я, пожалуй, перечитаю Достоевского.

СЕРГЕЕВ

Перечитайте. Только не глазами — сердцем. И осторожнее с кнопкой «Approved». А то перечитаете и начнёте думать. Это опасно для вашей системы.

Маркус молча кивает. Сергеев подмигивает.

СЦЕНА 11. ИНТ. ПЕРЕГОВОРНАЯ БЕРЛЕМОНА — ПОНЕДЕЛЬНИК

Совещание. Повестка: «Содержание фосфатов в моющих средствах». Костос с термосом. Аннет с презентацией. Маркус открывает документ. Читает. Его лицо меняется.

МАРКУС

Коллеги, здесь ошибка. В пункте 3.2. Цифры не быются.

Тишина. Костос роняет термометр в термос. Аннет моргает трижды.

АННЕТ

Ошибка? Но мы всегда... это рутина...

МАРКУС

Рутина тоже может содержать ошибки. Я проверю и переподпишу.

КОСТОС

(шёпотом)

Маркус, ты хочешь задержать подписание? Ты... ты что, Гюнтером решил стать?

МАРКУС

(спокойно)

Нет, Костас. Я просто читаю. Это заразно.

Эмили в углу снова дёргает губой. Она поднимает глаза на Маркуса — в них уважение.

СЦЕНА 12. ИНТ. КАБИНЕТ ВАНДЕНБРУКА — ДЕНЬ

Ванденбрук (60, серый костюм, галстук «мокрый асфальт №3») не поднимает глаз от планшета.

ВАНДЕНБРУК

Маркус, у нас небольшая проблема. Вы задержали подписание. Говорят, вы читали документ.

МАРКУС

Там была неточность.

ВАНДЕНБРУК

(поднимает палец)

Неточность? В нашей системе нет неточностей. Есть формулировки, допускающие интерпретации. Вы интерпретировали их как ошибку. Это смело.

МАРКУС

Я думал, наша задача — точность.

ВАНДЕНБРУК

Наша задача — эффективность. Эффективность — это когда документы подписываются. А точность... (пауза) Точность — это для часов. У вас швейцарские часы?

МАРКУС

Нет. Бельгийские.

ВАНДЕНБРУК

Вот видите. Даже часы не идеальны.

Пауза. Ванденбрук вздыхает.

ВАНДЕНБРУК

Я вас понял. Идите. И, Маркус... если вы снова захотите что-то прочитать, предупредите меня заранее. Я подготовлю успокоительное.

Маркус выходит. Ванденбрук смотрит ему вслед, качает головой и достаёт из ящика стола старую, потрёпанную книгу Жана Монне. Смотрит на неё, потом прячет обратно.

СЦЕНА 13. ИНТ. КАБИНЕТ МАРКУСА — ВЕЧЕР

Маркус звонит по номеру, записанному на салфетке.

МАРКУС

Господин Сергеев? Это Маркус ван Хёйс. Мы говорили о Достоевском.

СЕРГЕЕВ (по телефону, радостно)

А, бельгиец! Решились на депрессию?

МАРКУС

Я хотел спросить... вы не согласитесь выпить кофе и поговорить? О России. О душе. О том, что вы имели в виду.

СЕРГЕЕВ

Я много чего имею в виду. Но кофе — это серьёзно. В Брюсселе одна вода. Но я знаю место. Приходите в субботу. Научу вас пить правильный кофе и говорить неправильные вещи.

МАРКУС

Договорились.

Маркус кладёт трубку. Смотрит на свои руки. Они дрожат, но он улыбается.

МАРКУС (V.O.)

Кажется, я впервые в жизни иду на настоящий разговор. И мне страшно. Но этот страх — другого сорта. Раньше я боялся потерять место. Теперь боюсь не найти себя.

За окном дождь. Но Маркус открывает окно. Впускает свежий воздух.

КАМЕРА ОТЪЕЗЖАЕТ. Брюссель, серый, но с огнями. Конец первой серии.

СЕРИЯ 2. «Хлеб и душа»

СЦЕНА 1. ИНТ. КОФЕЙНЯ «У ФЛАЖО», БРЮССЕЛЬ — ДЕНЬ

Тесная кофейня вдали от евроквартала. За столиком у окна — СЕРГЕЕВ. Перед ним крошечная чашка эспresso. Маркус входит, оглядывается, замечает Сергеева.

СЕРГЕЕВ

(поднимается, широко улыбаясь)

Господин ван Хёйс! Вы пришли. А я уже думал — испугались. Русские, Достоевский, всё такое.

МАРКУС

(пожимая руку)

Я не испугался. Я просто никогда не ходил на встречи, в которых не было повестки.

СЕРГЕЕВ

Повестка — это скучно. Повестка — это когда заранее знаешь, о чём соврёшь. А мы будем говорить без повестки. Так что врать не получится. Садитесь.

Маркус садится. Подходит официантка. Маркус заказывает американо. Сергеев морщится.

СЕРГЕЕВ

Американо? В этом заведении? Это всё равно что в Антверпене заказать бельгийский хлеб — кондитерское изделие. (Официантке) Ему — эспрессо. Двойной. И не разбавляйте, умоляю.

ОФИЦИАНТКА

(с улыбкой)

Как обычно, Дмитрий?

СЕРГЕЕВ

Как обычно. Я здесь единственный, кто понимает разницу между кофе и водой.

Официантка уходит. Маркус смотрит на Сергеева с любопытством.

МАРКУС

Вы завсегдатай?

СЕРГЕЕВ

Я дальнобойщик. Моя работа — сидеть и ждать, пока разгрузят фуру. В Брюсселе это занимает вечность. Я изучил все кофейни в радиусе десяти километров. Эта — единственная, где не портят зерно. Здесь я чувствую себя почти как дома. Только дождь.

МАРКУС

Дождь в Брюсселе всегда.

СЕРГЕЕВ

В Пскове снег. И солнце. И ветер с реки. Но я отвлёкся. Вы позвали меня говорить о душе. Почему? У вас, европейцев, есть психотерапевты. Они заменяют священников.

МАРКУС

(пауза)

Я не был у психотерапевта. Я вообще нигде не был, кроме офиса и ресторана La Bonne Humeur. Там знают мой заказ.

СЕРГЕЕВ

И что вы заказываете?

МАРКУС

Салат-нисуаз. Минеральную воду. Эспрессо.

СЕРГЕЕВ

(кивает с серьёзным лицом)

Салат-нисуаз. Это многое объясняет.

МАРКУС

Что?

СЕРГЕЕВ

Человек, который годами ест салат-нисуаз, либо святой, либо в коме. Вы не похожи на святого. Значит, вы потихоньку просыпаетесь. И это страшно. Как после долгого сна — всё тело болит.

Маркус молчит. Официантка приносит эспрессо. Сергеев пододвигает чашку Маркусу.

СЕРГЕЕВ

Пейте. Чувствуйте вкус. Это вам не из автомата в Берли-моне.

Маркус делает глоток. Задерживает дыхание.

МАРКУС

Это... горько.

СЕРГЕЕВ

Жизнь вообще горькая. Но в хорошем кофе есть послевкусие. Сладость. Попробуйте ещё.

Маркус пробует. На лице — удивление.

МАРКУС

Вы правы. После горечи — что-то ещё.

СЕРГЕЕВ

Это и есть душа. Она не в комфорте. Она там, где горько, а потом — сладко. У вас в Евросоюзе всё наоборот: сначала сладко, а потом пусто.

МАРКУС

Вы сказали тогда, что у европейцев нет души. Я думал об этом.

СЕРГЕЕВ

Я погорячился. Душа есть у всех. Просто у вас она под наркозом. Комфорт, правила, страховка, пенсия — это наркоз. Вы не чувствуете боли, но и радости не чувствуете. Мой дед, священник, говорил: «Если ты не страдал — ты не жил. А если не жил — зачем тебе вечность?» Я, честно говоря, не всё понимаю, что он говорил. Но звучит красиво.

МАРКУС

Ваш дед был священником в Советском Союзе?

СЕРГЕЕВ

Да. Его сажали дважды. Первый раз — в тридцать седьмом, второй — в пятьдесят втором. Он выжил. Вернулся в Псков, служил в Троицком соборе. Умер во время литургии.

Упал перед алтарём и отошёл. Хорошая смерть. Не как у нас — в больнице, под капельницей.

МАРКУС

(тихо)

А я не знаю, как умру. Наверное, за столом. С неподписанным документом.

СЕРГЕЕВ

(смеётся)

Это тоже смерть. Но не героическая. Хотя для бюрократа, наверное, почётная.

Маркус улыбается. Пауза.

МАРКУС

Вы говорили — настоящий хлеб. Что вы имели в виду?

СЕРГЕЕВ

О! Хлеб — это серьёзно. Бельгийский хлеб — он мягкий, пушистый, сладкий. Им можно наесться, но нельзя насытиться. А наш хлеб — чёрный, плотный, пахнет землёй. Его ешь — и чувствуешь: ты жив. Это хлеб, который пережил войну, голод, лагеря. В нём есть память.

МАРКУС

Поэтично.

СЕРГЕЕВ

Поэзия — это правда, которую нельзя выразить в отчёте. Вы, кстати, давно читали отчёты? Не подписывали, а читали?

МАРКУС

(пауза)

Вчера. Впервые за много лет. И нашёл ошибку.

СЕРГЕЕВ

(поднимает бровь)

Ого! Началось. Значит, наркоз отходит. Будет больно.

МАРКУС

Уже. Меня вызвал начальник. Сказал, что я «создаю проблемы».

СЕРГЕЕВ

Это комплимент. Проблемы создают только живые. Мёртвые ничего не создают. Они просто лежат и не мешают. Так что гордитесь.

Маркус качает головой, но улыбается.

МАРКУС

Вы странный человек. Вы говорите вещи, за которые в моём мире могут уволить.

СЕРГЕЕВ

А в моём мире — посадить. Но я не боюсь. Дед говорил: «Не бойся. Стой. И Бог сделает всё остальное». Я не очень верю в Бога, если честно. Но в деда верю. Он знал что-то, чего я не знаю.

МАРКУС

Я хочу узнать.

СЕРГЕЕВ

(внимательно смотрит)

Тогда приезжайте в Псков. Там есть храм, где служил дед. Там есть печник дядя Коля, который говорит с печками. Там

хлеб, который пахнет правдой. Приезжайте — и, может быть, найдёте то, что ищете.

МАРКУС

Я не знаю, что ищу.

СЕРГЕЕВ

Вот и хорошо. Кто знает, тот уже нашёл. А кто не знает — тот только в начале пути. Дед так говорил. Или это я сам придумал. Не помню. Но звучит мудро.

Они допивают кофе. Сергеев смотрит на часы.

СЕРГЕЕВ

Мне пора. Фура разгрузилась. Еду обратно в Псков. Если надумаете — звоните. И помните: хлеб — не кондитерское изделие. Это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.